

**УЧЁНЫЙ. ПОЭТ. ПРОСВЕТИТЕЛЬ. ЧЕЛОВЕК.
К 300-ЛЕТИЮ М.В. ЛОМОНОСОВА**

**SCIENTIST. POET. ENLIGHTENER. PERSON.
TO THE 300 YEARS ANNIVERSARY OF M.V. LOMONOSOV**

Костомаров В.Г.

Президент Государственного института русского языка им. А.С. Пушкина,
доктор филологических наук, профессор, действительный член РАО,
E-mail: vadimilrao@yandex.ru

Kostomarov V.G.

President of the A.S.Pushkin State institute of Russian language,
Doctor of Science (Philology), Professor,
Academician of the Russian Academy of Education,

Аннотация. В докладе дана целостная характеристика особенностей поэтического наследия М.В. Ломоносова, его вклада в развитие русского языка. В образно –эмоциональной форме представлен жизненный путь русского гения. Охарактеризованы его педагогические взгляды и деятельность по развитию российского образования .

Annotation. In the report the complete characteristic is given of features of M.V.Lomonosov poetic heritage, and his contribution to the development of Russian language. In figuratively-emotional form the course of life of the Russian genius are presented. His pedagogical sights and activity on development of Russian education are characterized.

Ключевые слова: научная и педагогическая деятельность М.В.Ломоносова, стиль, изобразительно-выразительные средства, жанр, ода, лексика, риторика.

Keywords: scientific and pedagogical activity of M.V.Lomonosov, style, graphic-expressive means, genre, ode, lexicon, rhetoric.

Многим памятна открытая известным поэтом, членом Российской академии образования Андреем Андреевичем Вознесенским дискуссия «Физики в почёте, лирики в загоне». Как бы оценил соотношение естественного и гуманитарного знания великий энциклопедист Михаил Васильевич Ломоносов, не уступающий по кипучей энергии, таланту и кругозору интересам великому Леонардо да Винчи, будь он участником этих споров?

Для нас сегодня он, прежде всего, основатель русской науки и просвещения. Для современников он был, в первую очередь, основателем русской поэзии. Столетие спустя В.Г. Белинский назвал его «Петром Великим русской литературы», а Н.В. Гоголь заметил, что он «стоит впереди всех наших поэтов как вступление впереди книги». В загоне же он никогда не был, ни как физик, ни как лирик и своим примером заставил и тех, и других заговорить по-русски.

По его собственным словам, «испытание природы трудно, однако приятно, полезно, свято». Из поморских Холмогор в Москву, в Заиконоспасские школы Славяно-греко-латинской академии влекло его положительное знание точных наук.

Первой его страстью было познать химию и физику строения вещества. Работы о «корпускулах» и «нечувствительных частицах», сцепление которых различает тела, о «превращении твёрдого тела

в жидкое в зависимости от движения предсуществующей жидкости», о природе электричества, о количестве вещества в движении и о пропорции его к тягости, о сохранении материи и движения, о причине тепла и холода, о природе света и цвета, о происхождении ледяных гор в северных морях и многие-многие другие опережали тогдашние представления, предугадывая нынешние представления. «Союз наук (*«слеп физик без математики, сухорук без химии»*) служил основой прикладных разработок.

Михаил Васильевич принадлежал к тем пытливым умам с неутолимой любознательностью, кто, увлѣкшись чем-то и изучив принятые объяснения, сомневается в них и даёт ход собственному разуму. У гения этот скепсис не пустопорожен, основывается на опытах и, как правило, бывает прогностическим, дающим, как выражался он сам, *«прибыток народному благосостоянию»*. Наблюдательный, восприимчивый к явлениям природы и призывам жизни, он уточнял, а часто предлагал принципиально новые решения многих прикладных проблем. Минералогия, металлургия, оптика, варка цветного стекла, рудное дело, солеварение, небесное электричество, грозовые тучи, молнии, северное сияние (вопреки Франклину оно не объясняется движением эфира), прохождение Венеры по диску Солнца, предсказание погоды, мореходство – удивительно многообразно то, что его привлекало и что он жаждал сделать общеизвестным и полезным для России.

Научные и практические свершения принесли Ломоносову непреходящую славу и за пределами отчизны. Известный математик Эйлер писал: *«Ломоносов первым дал весьма нужные откровения о физических и химических материях, которых не знали, и истолковать не могли многие остроумные люди»*. Михаил Васильевич был избран почётным доктором Шведской академии и Болонского университета. Его работы, особенно стихотворные, переводились на немецкий и французский языки и имели немалый успех. «Слово, похвальное Петру Великому» читал во французском переводе Вольтер, по немецкому Готшед хвалил *«мужественную силу и вкус русского витии»*. Стараниями стажёрки института, теперь доцента русистики Барбары Каргхоф, на фасаде Марбургского университета уже два десятилетия красуется мемориальная доска в честь великого русского учёного. Она бьётся, пока безуспешно, о памятной надписи и на доме вдовы Цильх, где Михаил Васильевич квартировал, и чья дочь Елизавета-Христина стала с венчанием в 1740 году его законной единственной женой.

* * *

Увлекаясь физикой, Ломоносов не мог не обратиться и к лирике. Мой учитель В.В. Виноградов величал послепетровское «осьмнадцатое столетие» *«золотым веком»* просвещения, переводов, искусств, журналов, поэзии. Без знания языков и литератур, без умения стихотворства не получить было ни офицерского звания, ни чиновной должности, грешили пером сами венценосные особы. Державин был назначен губернатором во многом потому, что был поэтом.

Дух эпохи ощутим в напутственных указаниях Академии паук, где после длинного перечисления наук, которые предписывалось постичь в Германии, было велено освоить немецкий и французский языки (латынью уже владел), перевод, рисование, фехтование, танцы и, как это ни странно, русское сладкозвучное сочинительство. К первому своему отчёту он приложил перевод немецкой оды, выполненный в согласии с «Новым способом к сложению российских стихов» Тредьяковского, с кем свёл дружбу в краткое своё пребывание в Академии наук.

Неуёмный Михаил Васильевич, как нетрудно догадаться, переосмыслил предлагаемую мэтром силлаботонику и вскорости послал в Академию знаменитое «Письмо о правилах российского стихотворства», присовокупив в качестве образца уже самим сочинѣнную оду *«Восторг внезапный ум пленил...»*. Прозорливо ощущая самобытность родного языка, духовности, народной эстетики, он не просто отошёл от Буало и силлабики, а гениально разработал тонические ритмы и характер рифм. Это, конечно, не укрепило дружбу с Тредьяковским, написавшим резкую отповедь, указав, например, что женские рифмы в ней *«мерзки и гнусны, как брак европейской красавицы и дряхлого арапа»*; в Академии разумно решили «для пресечения бесполезных споров на почту денег напрасно не тратить».

Ведь ода (та самая, которую Белинский уверенно назовёт «началом русской литературы, первым стихотворным произведением на русском языке, которое написано правильным размером») была столь необычна, свежа, гармонична, певуче звучна, что очаровала высший свет и всю читающую публику. Блестяще иллюстрируя предлагаемую систему версификации, она навечно укоренила её в русского поэзии.

Ломоносов принял идею тоники, но убрал предвзятую скованность и как знаток с опытом допустил свободу вполне в духе русского языка, который «вольностью, бодростью и звоном» другим не уступает», не только хорей, но все размеры, как двух, так и трёхстопных, в том числе смешанные из хореев и дактилей. Ямб, по его мнению, «усугубляет благородство и великолепие предмета им изображаемого», а женские рифмы часто выразительнее мужских и дактилических. Всё это открыло путь к гибкости, гармонии и красоте русского стиха, которым пошли Сумароков, Херасков, Державин, а за ними А.С. Пушкин и все последующие русские поэты.

Михаил Васильевич не оставлял ипостась лирика, идя к ней или от неё к филолого-исторической науке и педагогике. Уже в раннем «Кратком руководстве к красноречию» была изложена теория «трёх итилей», о которых до сих пор слышан каждый школьник. В 1755 году издана «Российская грамматика» – первая грамматика собственно русского языка, утверждающая его самостоятельность и превосходство над другими главными языками; это сравнение и сегодня многие любовно цитируют. Смело утверждались языковые нормы московского наречия «по важности столичного города и для своей отменной красоты», хотя они отличны от принятых даже сейчас в нашей православной церкви. Отводя упреки за отход от книжно-славянских традиций, Ломоносов в том же году издал трактат «О пользе книг церковных в российском языке». Обе эти работы предвещали карамзинско-пушкинскую реформу, давшую наш современный язык.

Михаил Васильевич в совершенстве владел и пользовался на службе и в семейном быту немецким языком, на нём и на латыни вёл переписку, писал ряд научных работ, а также «иллюминационные надписи и девизы» для фейерверков, часто назначаясь пиротехником этих важнейших событий царствования Елизаветы. Однако сам предпочитал, как во всём, что защищал в теории, по-русски читать лекции, особенно публичные, писать исследования и учебники, создавая русские научные термины, и, конечно, сочинять стихи, художественные и исторические произведения. Он торжествовал, узнав, что при открытии университета в Москве, его последователь (Барсов) пожелал, чтобы русский стал языком обучения.

Приказы Академии сочинить похвальную оду по какому-то случаю то и дело отрывали Ломоносова от должностных занятий «натуральной историей и наипаче минералами». Только в честь императрицы он сочинял по похвальной оде чуть не каждый год, вытесняя немецкие академические стихи даже из придворного этикета и обретая известность, а иногда и заметный доход. За оду 1748 года «Заря багряною рукою...» Ломоносов был высочайше пожалован двумя тысячами рублей (при профессорском жалованье в 660 рублей в год!) и милостивым прощением сокрытия женитьбы, да ещё на иностранке-лютеранке, смог, наконец, выписать в Россию её брата и младшую дочь Елену (о судьбе старшей дочери, родившейся до брака родителей, сведений не сохранилось).

Раскупаемые тиражи од (до полутора тысяч экземпляров) позволяли Михаилу Васильевичу успешно распространять научные и педагогические идеи, приписывая их мироносному адресату. В уста Елизаветы Петровны вложен его призыв к сынам российским, обучаться прилежно наукам ради пользы и славы отчизны. Ошеломляющий успех имели девять духовных од (переложений псалмов), в которых выражался восторг самого учёного перед таинственным величием мироздания. После корявых переводов с немецкого они покоряли звучностью и мудрой учёной мыслью:

Что зыблет ясной ночью луч,
 Что тонкий пламень в твердь разит?
 Как молния без грозных туч
 Стремится от земли в зенит?
 Как может быть, чтоб мерзлый пар
 Среди зимы рождал пожар...

В них звучит голос натуралиста, умеющего поэтически любоваться явлениями природы:

Лицо свое скрывает день,
Поля покрыла влажна ночь.
Взошла на горы черна тень,
Лучи от нас прогнала прочь
Открылась бездна звезд полна.
Звездам числа нет, бездне дна...
Но где ж, натура, твой закон?

Менее популярны были иные жанры, в которых Михаил Васильевич пробовал перо: «лёгкая поэзия» анакреонтического («Кузнечик дорогой...») и юмористического рода, эпиграммы и сатиры. В пику ретроградам он сочинил, например, басню, в которой на вопрос «кто прав – Коперник или Птолемей?» отвечал вопросом: «*Я правду докажу, на солнце не бывав, Кто видел простака из поваров такого, который бы вертел очаг кругом жаркого?*». По велению императрицы он писал историю России, героическую поэму о Петре Великом и даже трагедии, в частности, патриотическую «О позорной гибели Мамаю, царя татарского».

* * *

В обеих органично сливавшихся ипостасях учёного и поэта, физика и лирика Ломоносов был просветителем, учителем. Обучая физике и химии, механике, не отказываясь ни от чего, что поручалось, он системно воспитывал студентов, пёкся о всеобщем просвещении.

Одним из первых опроверг теорию происхождения русского народа от варягов. Курс «*истинной физической химии*» начал популярным «*словом о пользе химии*». По его словам, о «*соли издал в публику ясные понятия*», «*со всем старанием толковал публично натуральную химию и физику, а охотникам приватно минералы и рудное дело, також стихотворство и перевод с латинского и немецкого*». Это разделение общего и специального образования укрепилось с открытием химической лаборатории, где готовились профессионально химики высшей квалификации. При этом Ломоносов настаивал, что «*тот студент почётнее, кто большему научился, а чей он сын, в том нет нужды*», и привлекал способных юношей независимо от сословия, из семинарий, из Заиконоспасской школы в Москве.

Ломоносов переводил учебники по многим дисциплинам, приспособляя их к русским условиям. К учебным пособиям можно отнести дидактическое стихотворение «О пользе стекла» в форме письма к главному покровителю: «*Неправо о вещах те думают, Шувалов, Которые стекло чтут ниже минералов, Приманчивым лучом блистающих в глаза...*». Очевидна обучающая направленность эпической поэмы, прославляющей Петра Великого.

Обоснование педагогической деятельности он дал в письмах к Ивану Ивановичу Шувалову, прежде всего замечательном «О сохранении и размножении российского народа». Обмениваясь с ним планами создания университета в Москве «для всех лиц, способных к науке» и Академии наук из «*природных российских сынов состоящей*», он как раз занимался «*приведением гимназий Академии в лучшее состояние*». Разработанные программы он, приспособив их к Москве, отослал совокупно со своим проектом состава университета с разными факультетами.

Заслуги Ломоносова в организационно-педагогической сфере трудно переоценить. Они были нацелены на демократизацию и специализацию образования, на его непрерывность в форме начального и среднего, без которых университетское «*как пашня без семян*». По достойным местам расставлялись рациональные науки с их точностью и экспериментом и ценности духовно-поэтического постижения, если оно озарено разумом.

Интересно упомянуть методические приёмы, которые изобретал и успешно применял Ломоносов. Преподавание химии увязывалось с самостоятельной экспериментальной работой учащихся. Предлагались опережающие наши предметные олимпиады конкурсные задания, например: «*можно ли изготовить оптический прибор для ощущения света, чтобы с помощью его видеть предметы*

в темноте», «сыскать электрической силы причину», «определить, изменяется ли направление центра тяжести при движении».

Всё, что делал, Михаил Васильевич отдавал осуществлению мечты, чтобы знания распространялись, чтобы *«сынов российских к оным охота и ревность умножились»*. Каждый из нас помнит хотя бы несколько строк из самой, вероятно, великолепной его оды:

О вы, которых ожидает
Отечество от недр своих
И видеть таковых желает,
Каких зовет от стран чужих.
О, ваши дни благословенны!
Дерзайте, ныне ободренны,
Раченьем вашим показать,
Что может собственных Платонов
И быстрых разумом Невтонов,
Российская земля рождать.
Науки юношей питают,
Отраду старым подают,
К счастливой жизни украшают,
В несчастный случай берегут...

* * *

Ломоносов-лирик, поэт, затмевая подчас в глазах преобладающей власти Ломоносова-физика, учёного и просветителя, с годами завоёвывал всё более громкую славу, материальное и должностное продвижение. Став в 1742 году адъюнктом физики с годовым окладом в 366 рублей *«счисляя в то число квартиру, дрова и свечи»*, он через три года добился звания экстраординарного профессора химии, правда, с половинным окладом. Звание коллежского советника в 1751 году увеличило жалование до 1200 рублей и открыло путь в потомственное дворянство, в 1753 г. ему высочайше было пожаловано поместье в тысячу десятин и с четырьмя деревеньками для стеклянного завода. Он первым в российской академической истории удостоен чести издания трудов – *«Собрание разных сочинений в стихах и прозе»* в двух томах, первый из которых вышел прижизненно в 1764 г.

Множились его должности и авторитет: член исторического департамента Академии, *«последний ревизор»* Санкт-Петербургских Ведомостей, надзиратель ежемесячных сочинений Академии, советник её канцелярии, наблюдатель её университета и гимназии. Карьера расцветала в упорной и изнуряющей непрестанной борьбе. Михаил Васильевич лишь в 1757 году обзавёлся собственным домом на Мойке, куда и переехал с семьёй, правда, сначала оборудовав в нём химическую лабораторию.

Сменивший на посту начальника академической канцелярии Шумахера, его зять Герберт заявил в ответ на желание Ломоносова укреплять Академию сынами российскими, что *«допустив Ломоносова в профессора, Академия сделала великую ошибку... Разве десять Ломоносовых надо? И один в тягость»*. Михаил Васильевич самонадеянно, но, как жизнь показала, пророчески говорил: *«можно отставить Академию от меня, но нельзя отставить меня от Академии»*. Эту мысль повторил А.С. Пушкин, заметив, что *«Ломоносов создал первый университет. Он, лучше сказать, сам был первым нашим университетом»*.

Кончина Елизаветы Петровны казалась для него непоправимым ударом. Екатерина II, очищаясь от её приспешников, в мае 1763 года отправила и Ломоносова в вечную отставку. Однако радость ненавистников длилась две недели: великая женщина сообразила, что её подставили вынуть один из лучших перлов из короны, и вопреки внушённой советчиками антипатии она поспешила исправить ошибку. Восстановленный в должности с чином статского советника и окладом в 1800 рублей, Михаил Васильевич ни на минуту не прерывал свою академическую деятельность до своего

смертного часа. Более того, в 1764 году он удостоился высшей монаршей милости: императрица благоволила собственной персоной посетить его дом для осмотра мозаичных портретов и химической лаборатории.

Ломоносов осознавал личное достоинство и носил его гордо и благородно. Возмущаясь попреком за низкую породу, он объявил: *«Я своей чести достиг не слепым счастьем, но данным мне от Бога талантом, трудолюбием и терпением для учения»*. Он был талантлив до гениальности и непостижимо трудолюбив. Не знали границ его заразительная любознательность, преданность учёности и забота о подъёме России просвещением. Попадая в сложные ситуации по воле случая или собственного неразумного поступка (их немало доставляла увлекающаяся и вспыльчивая натура), он всегда счастливо из них выходил. Судьба зачислила его в стан тех, кого ведет по жизни путеводная звезда, спасающая в самых затруднительных положениях, где, казалось бы, нет выхода.

Величавый фигурой, мощный телосложением, недюжинный силой, нрава весёлого, он умел обаять, внушить почтение крепостью убеждений и мнений, красноречием и остроумием, харизматической горячностью. Преодолевая нелёгкие барьеры, чтобы утвердить себя, своё правое дело, человек-танк, как сказали бы сейчас, был ещё и непрост, себе на уме, сметлив и умел заменять борцовские качества лукавством. Оно помогло выйти из нищеты государева крестьянства в известность и состоятельное благополучие, а с годами в академики, в потомственное дворянство, в общероссийскую и мировую славу.

Он избежал, притворившись больным, попытки отца по наущению злой мачехи его женить, тайно ушёл из отчего дома. Покинув родное поморье, добрался до Москвы и, сказавшись *«из дворянства»*, попал в Славяно-греко-латинскую академию. Его успехи были столь очевидны, что его выдвинули кандидатом в священники, но и не наказали, когда он, боясь разоблачения при проверке в Синоде, скорее просто не желая ограничений сана, чистосердечно покаялся за сокрытие своего черносошного происхождения. Более того, ректор архимандрит Стефаний направил его как *«отрока доброго, кой в приличных к украшению разума науках довольно знаний имеет»* в Санкт-Петербургскую Академию, которая вскоре командировала его и двух других студентов с выдающимися способностями на обучение в Германию.

Заграничная свобода в Марбурге возбудила головокружение от успеха, ничуть не мешавшее, надо признать, успехам в учении. Юноша сошёлся с 18-летней дочерью хозяйки дома, где квартировал, и она вскоре ждала ребёнка.

Наставник по физике, доброжелательный профессор Христиан Вольф знал, что грозит ученику на родине, уладил долги и умолчал про проступки, хотя и отметил в хвалебном отзыве *«страсть к разгулу и женску полу»*.

Переехав для изучения рудного дела из Марбурга в ласковой земле Гессен в Фрейберг в негостеприимной Саксонии к педанту и грубияну профессору И.-Ф. Генкелю, Михаил Васильевич никак не мог с ним ужиться. Вскоре произошел полный и скандальный разрыв. К чести обоих надо признать, что профессор, жалуясь, отметил, что ученик стал *«весьма сведущ в деле»*, а тот, оправдываясь научными разногласиями и тем, что профессор не мог чему-либо нужному научить и к тому же бранился и угрожал отдать в солдаты. Правда, в зрелые годы Ломоносов тоже с похвалой рекомендовал его работы своим студентам.

Наказав соученикам продать вещи и захватив с собой пробирные весы с гирьками и несколько книг, Ломоносов не получил ни согласия на отправку домой, ни какой-либо помощи от российских дипломатов и начал полугодовое скитание по Европе, выдавая себя (надо же было так изучить немецкий язык!) за немецкого студента (почему-то медика), попадая в разные переделки, но продолжая изучать рудное дело.

В Амстердаме он решил без разрешения вернуться в Россию и покаяться, русские купцы отговорили его от этого безрассудного шага, он вернулся в Марбург и венчался в реформаторской общине с верно ожидавшей его Елизаветой Цильх. Получив, наконец, летом 1741 г. предписание прибыть в Санкт-Петербург, он выехал, скрыв факт женитьбы и наказав жене не писать ему до особого уведомления.

Однажды Ломоносов, огорчённый невниманием к его мнениям, явился к немецким академикам во хмелю, отчего, по его объяснению, «с обеих сторон дошло до грубых слов и до шуму». За время домашнего ареста с мая 1743 по январь 1744 годов он изучил Ньютона, перевёл две книги, выполнил работу о корпускулярном строении природных тел, сочинил обе свои славные духовные оды, чем и заслужил досрочное освобождение. Ловко избегая сильных ударов, он при малейшей оплошности противников отвечал им метко, зубодробительно.

Воистину юмористический случай ускорил выход в свет «Российской грамматики», попавшей за нехваткой переписчиков в долгую очередь. Ломоносов отправился ко двору в надежде найти кого-нибудь, кто бы помог, и надо же было случиться, чтобы он натолкнулся на фрейлин и мамок, которые вели гулять наследника. При виде забавной громады дядьки с рукописью подмышкой тот заулыбался и протянул навстречу ручонки. Низко поклонившись, Михаил Васильевич ретировался, в Академии потребовал издать книгу вне очереди как посвященную Павлу Петровичу, изволившему её милостиво одобрить. Это и было сделано, потому что никто не осмелился усомниться, хотя августейшей особе едва исполнилось тогда полтора годика.

Счастлив и велик народ, который дал миру такого сына как Михаил Васильевич Ломоносов. Оттого и через триста лет с гордостью Россия чествует его юбилей.

Интернет-журнал «ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ»
2011, №6